

Научная жизньAcademic Events

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10007

**О конференции «Япония в Восточной Азии:
политика, экономика»****О.И. Казаков**

Отчёт о прошедшей 22 декабря 2017 г. в Институте Дальнего Востока РАН общероссийской научной конференции «Япония в Восточной Азии: политика, экономика», организованной ИДВ РАН, Институтом востоковедения РАН и Ассоциацией японоведов.

Ключевые слова: Япония, российско-японские отношения, политика, экономика, конференция.

**On the Conference “Japan in East Asia:
Politics, Economics”****O.I. Kazakov**

The paper is a report on the All-Russia scientific conference “Japan in East Asia: Politics, Economics”, organised by the Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, and Russian Association of Japonologists. It was held on the IFES RAS on 22 December 2017.

Keywords: Japan, russian-japanese relations, politics, economics, conference.

22 декабря 2017 г. в Институте Дальнего Востока РАН прошла общероссийская научная конференция «Япония в Восточной Азии: политика, экономика», организаторами которой стали: Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН и Ассоциация японоведов. Это 10-я конференция Ассоциации японоведов, посвящённая современной Японии¹.

Традиционно конференция началась с презентаций японоведческих изданий, включая Ежегодник «Япония» (ИВ РАН, Ассоциация японоведов)², ежеквартальный электронный научный журнал «Японские исследования»³ (ИДВ РАН, Ассоциация японоведов)

---

¹ Материалы по всем прошедшим конференциям Ассоциации японоведов, посвящённым современной Японии, начиная с первой 14 ноября 2008 г., находятся на сайте <http://japanstudies.ru> под рубрикой «Наши конференции».

² Япония 2017. Ежегодник. М.: «АИРО–XXI», 2017. 432 с.

³ Электронный научный журнал «Японские исследования» находится по адресу <http://www.ifes-ras.ru/js>.

и ежегодник «Актуальные проблемы современной Японии»⁴ (ИДВ РАН). Также были отмечены новый учебник «История Японии»⁵ и избранные работы за 2000–2016 гг. Э.В. Молодяковой «Япония: тотальная победа консерваторов»⁶.

После презентаций изданий прозвучали доклады и выступления участников.

Стрельцов Д.В. (д.и.н., МГИМО(У) МИД России) выступил с докладом «Система власти ЛДП при С. Абэ: есть ли национальный консенсус?» По мнению Д.В. Стрельцова, японское общественное мнение не во всём бесспорно поддерживает «патриотические» взгляды премьер-министра, о чём говорят конкретные опросы по вопросам конституции, политики в области военной безопасности, исторического прошлого и т.д. В арсенале Абэ – использование кратких и ёмких слоганов, которые стали визитной карточкой его кабинета – *тихо сосэй* («обновление регионов»), *дзёсэй кацуяку* («общественная активность женщин»), *итиоку кацуяку* («активность ста миллионов»), намёк на всё взрослое население Японии), *хатаракиката кайкаку* («реформа занятости») и т.д. В результате пропагандистских усилий правительства у многих японцев, не обязательно относящихся к числу поклонников Абэ, возникает ощущение «благодарности» к лидеру, основанное на ложной идее о том, что при любом другом премьере «было бы только хуже». Однако опросы показывают пёструю и противоречивую картину, свидетельствующую о глубоком расколе в общественном мнении страны. В связи с чем построенную Абэ систему власти трудно охарактеризовать, как основанную на национальном консенсусе. И хотя на октябрьских 2017 г. внеочередных выборах в нижнюю палату ЛДП одержала убедительную победу, анализ показывает, что электоральная поддержка не носила массового характера, а залогом победы стали особенности избирательной системы, а также крайне аморфная в идеологическом и организационном отношениях оппозиция. В частности по этой причине дальнейший путь к созданию двухпартийной системы в Японии представляется долгим и трудным.

По теме «Проблема обеспечения безопасности Японии в АТР на современном этапе» выступил **Милеев Д.А.** (ИВ РАН), отметив, что эта проблема становится всё более сложной и требующей постоянных усилий в связи с ростом напряжённости в отношениях государств региона. В 2017 г. КНДР продемонстрировала дальнейшее продвижение в разработке ядерного оружия и баллистических ракет, что создало серьёзную угрозу безопасности Японии. Другой дестабилизирующий фактор – соперничество за лидерство между США и КНР, которое с каждым годом ведётся с нарастающим напряжением, сопровождающимся интенсивной гонкой морских вооружений и сдерживанием Китая. Япония оказывается перед необходимостью участвовать в коллективных действиях в рамках стратегии Вашингтона по сдерживанию Пекина, что в свою очередь ставит под удар сохранение и развитие тесных контактов с КНР в экономической сфере.

Оборонная политика Японии опирается на японо-американский союз, который в ходе переговоров с американской стороной в 2017 г. С. Абэ смог укрепить. В завершающей стадии находится выполнение Среднесрочного плана оборонного строительства (на 2014–

⁴ Актуальные проблемы современной Японии. Выпуск XXXI. М.: ИДВ РАН, 2017. 288 с. ISBN: 978-5-8381-0325-3 URL: <http://www.ifes-ras.ru/online-library/book/3/313>

⁵ История Японии: Учебник для студентов вузов / под ред. Д.В. Стрельцова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 592 с. ISBN 978-5-7567-0932-2

⁶ Молодякова Э.В. Япония: тотальная победа консерваторов. Избранные работы 2000–2016 / ред.-сост. д.полит.н. В.Э. Молодяков; отв.ред. д.и.н. Е.Л. Катасонова. М.: ИВ РАН, 2017. 448 с. ISBN 978-5-89282-745-4

2018 г.), принятого в декабре 2013 г. с учётом «Основной программы национальной обороны». Однако приложенные Японией усилия в военной сфере не достаточны для эффективного сдерживания КНР, поэтому углубление японо-американского альянса остаётся приоритетной задачей японской дипломатии. Успех либерально-демократической партии во главе с С. Абэ на прошедших 22 октября 2017 г. выборах создаёт прочную основу для осуществления правящей коалицией активной политики укрепления безопасности Японии при помощи расширения её военного потенциала и развития союзнических отношений с другими государствами и, прежде всего, с США.

«Об успехах въездного туризма в Японию и российско-японском взаимном туризме» рассказал **Кзаков О.И.** (ИДВ РАН). С 2012 г. Япония демонстрирует стабильный рост иностранного въездного туризма. Как представляется, Япония стала уделять особое внимание привлечению в страну иностранных туристов в 2011 г., когда авария на АЭС «Фукусима-1» стала угрозой радиоактивного заражения, и многие иностранцы покинули Японию. Въездной туризм в Японии стал восприниматься не только как статья дохода, но и как имиджевый фактор. Другим важным фактором стала подготовка Японии к Олимпийским и Паралимпийским играм в 2020 г. в Токио. Цель Японии – увеличение числа иностранных гостей к 2020 г. до 40 млн человек. Реализуя эту цель, Япония демонстрирует широкомасштабную и многоплановую работу по созданию комфортных условий как для участников и болельщиков ОИ-2020 в частности, так и для пребывания иностранцев в Японии в общем. Однако доля россиян в туристическом потоке в Японию мала – в 2016 г. она составляла 0,23 %. Но ряд мер, нацеленных на увеличение поездок россиян в Японию, уже в 2017 г. принёс свои плоды: с января по сентябрь 2017 г. в Японию прибыло 54,4 тыс. туристов из России, что на 39,6 % больше, чем в аналогичный период 2016 г. В свою очередь, в 2017 г. фиксируется некоторое увеличение японских туристов в Россию, вероятно, вызванное «потеплением» в российско-японских отношениях.

Успешный опыт Японии создания в стране благоприятных условий для привлечения иностранных туристов может быть полезен и для России. Как представляется, в современном мире въездной туризм всё больше становится показателем привлекательности страны для иностранцев. Кроме того, неуклонное увеличение в Японии китайских и южнокорейских туристов, к которым в самой Японии отношение сложное, способствует улучшению взаимопонимания на уровне «народной дипломатии» и, в частности, говорит об эффективности «мягкой силы» Японии.

Кистанов В.О. (д.и.н., ИДВ РАН) выступил с докладом «Некоторые особенности политики Японии в Восточной Азии». Он отметил, что Япония в послевоенный период внесла большой вклад в развитие Восточной Азии, причём этот регион становится для неё жизненно важным районом мира как в экономическом, так и политическом плане, из-за возвышающегося Китая и набирающей экономическую мощь и военную силу АСЕАН. Что касается внутривосточной ситуации, то усиление в Японии в последние годы правоконсервативных сил во главе с нынешним премьер-министром С. Абэ создаёт благоприятные условия для продвижения по пути усиления военной составляющей во внешнеполитической стратегии Токио. Под предлогом элиминирования вызовов своей безопасности в Восточной Азии Токио взял курс на дальнейшее укрепление военного союза с Вашингтоном. Баланс противоречий и сотрудничества между Японией и Китаем во многом будет формировать политический ландшафт и экономическую среду не только в Восточной

Азии, но и во всём АТР. Но самым большим вызовом собственной безопасности Япония считает ракетно-ядерный потенциал Северной Кореи.

В последние годы в Азии происходят коренные структурные сдвиги в сфере экономики и политики. В частности это проявляется в перебалансировке взаимоотношений трёх азиатских держав – Китая, Японии и Индии. На военно-политическую ситуацию не только в Восточной Азии, но и всего АТР в обозримом будущем, очевидно, во всё возрастающей степени будет влиять расстановка сил в треугольнике, состоящем из таких ведущих держав Восточной Азии, как Россия, Япония и Китай.

Несмотря на существенное охлаждение отношений России с США и другими ведущими государствами Запада, наложившими санкции на Россию по поводу Крыма и Украины, 2016 и 2017 гг. ознаменовались заметным сближением России и Японии в политической и экономической областях. Однако решение существующего между ними территориального спора, перспективы которого пока не ясны, делает туманной и перспективу заключения российско-японского мирного договора.

Тему «Проблемы и перспективы японо-корейского политического диалога» затронул **Вершинин И.Н.** (магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет). По его мнению, современное состояние международных отношений в Восточной Азии характеризуется высокой степенью напряжённости в связи с развитием ядерной и ракетной программы КНДР. Однако эта нестабильность в регионе может дать импульс к развитию двусторонних отношений Японии и Республики Кореи. Анализируя ситуацию, докладчик пришёл к следующим выводам.

Во-первых, агрессивные действия и высказывания северокорейских лидеров дали новый толчок развитию политических контактов между Японией и РК, однако они происходят в основном в рамках существующих трёхсторонних и многосторонних соглашений. Подобная тенденция вызывает опасения в связи с растущей экономической и политической зависимостью РК от КНР, которая напрямую влияет на развитие японо-корейского диалога.

Во-вторых, руководству обеих стран следует отложить в сторону разногласия по поводу исторических событий («женщины для утешения», храм Ясукуни), которые являются значительным сдерживающим фактором дальнейшего развития двусторонних отношений. Для нормализации отношений Японии следует переработать существующую концепцию «мягкой силы», трансляция которой встречает противодействие со стороны южнокорейского руководства. Одним из перспективных направлений является продвижение общего азиатского культурного бренда в связи с серией Олимпийских игр. Объединение «корейской волны» и «японской волны» может дать позитивный толчок развитию «мягкой силы» обеих стран.

Тему «Северокорейский фактор в политике Японии» подняла **Крячкина Ю.А.** (Российский институт стратегических исследований), которая отметила, что КНДР остаётся единственным государством в Северо-Восточной Азии, с которым у Японии не установлены дипломатические отношения. Проблемными для отношений двух государств до сих пор остаются вопрос о похищенных гражданах, который за период начала 2000-х годов решился лишь частично, и развитие ракетно-ядерной программы КНДР. Япония демонстрирует довольно жёсткую линию поведения в отношении северокорейского руководства в ответ на ракетно-ядерные испытания в КНДР. Токио ведёт одну из наиболее последовательных

санкционных линий в отношении КНДР, что выражается в активных призывах к международному сообществу о введении санкций и разработке собственного санкционного пакета по Пхеньяну (прекращение транспортного сообщения, визовые ограничения, санкции для физических и юридических лиц, ведущих дела с КНДР). В последнее время Токио всё чаще говорит о необходимости усиления давления на КНДР со стороны России и Китая.

На фоне очередного обострения ситуации в начале сентября 2017 г. премьер-министр Японии С. Абэ заявил о необходимости укреплять и наращивать потенциал ПРО. В частности, было заявлено о закупках у США двух комплексов наземной системы ПРО Aegis Ashore (в дополнение к уже имеющимся у Японии четырём крейсерам УРО, оснащённым системой Aegis). Кроме того, министр обороны Японии Онодэра Ицунори инициировал разработку законопроекта, разрешающего нанесение превентивных ударов по противнику со стороны Японии, что сейчас запрещено внутренним законодательством. В результате же досрочных выборов в нижнюю палату парламента (октябрь 2017 г.), С. Абэ и ЛДП фактически получили народное одобрение на продолжение реализуемой политики в отношении Пхеньяна, что было широко растиражировано в японских СМИ.

Лобов Р.Н. (ИДВ РАН) затронул тему «Взаимоотношения между Республикой Корея и Японией: на политическом перепутье». 9 мая 2017 г. в Республике Корея состоялись досрочные выборы, по итогам которых новым президентом страны стал представитель политической оппозиции, кандидат от Демократической партии «Тобуро» Мун Чжэ Ин. 10 мая президент РК получил полномочия президента страны. Так началась новая страница в современной политической истории Кореи и новый этап в южнокорейской внешней политике. Новый президент страны оказался перед лицом непростого, противоречивого внутри- и внешнеполитического наследия его предшественницы, впервые в истории Кореи отстранённой от власти в результате импичмента.

Логика политического процесса в РК такова, что в течение первого года своего президентского срока новый президент страны формирует управленческую команду и формулирует ключевые основы своей внешней политики. Важной частью внешнеполитической программы неизбежно становятся проблемы взаимоотношений Сеула с «большой четвёркой» – США, Китаем, Россией и Японией. В конце президентского срока Пак Кын Хе было распространено убеждение, что отношения Сеула с «большой четвёркой» были испорчены. Самый большой урон понесли японо-южнокорейские отношения, оказавшиеся в заложниках политизации исторического прошлого двух стран. Политический диалог на высшем уровне был заморожен, единственная за всё время официальная встреча глав государств РК и Японии состоялась в ноябре 2015 г. в рамках трёхстороннего саммита. С другой стороны, была предпринята попытка решить проблему «женщин утешения».

На чём сосредоточится новый президент РК при осуществлении своей внешнеполитической линии? Продолжится ли эксплуатация проблемы исторического прошлого во взаимоотношениях двух стран? Сигналы из Сеула приходят самые разные: с одной стороны, характерной чертой внешнеполитического курса Мун Чжэ Ина стало стремление к урегулированию проблем во взаимоотношениях с ключевыми партнёрами. Ощутимо изменилась политическая риторика. С другой – оппонирование расширению сотрудничества с Японией в военно-политической сфере не исчезло.

Чижевская М.П. (Институт Европы РАН) выступила по теме «Проблема поддержки позиции Японии в отношении КНДР и КНР со стороны Европейского союза». Согласно

Стратегии по безопасности Японии 2013 г., главными региональными угрозами для страны являются ракетно-ядерная программа КНДР и агрессивная политика КНР в Восточно-Китайском море. В стремлении противостоять этим угрозам Япония ищет поддержку среди значимых акторов мировой политики. Из западных держав активную поддержку Японии оказывает их союзник США, в то время как Европейский союз занимает более осторожную позицию.

В отношении Северной Кореи ЕС жёстко выступает против развития её ракетно-ядерной программы, а также против нарушений прав человека. После последних испытаний ракет 29 августа и 15 сентября 2017 г. ЕС осудил провокационное поведение КНДР, поддержал инициативу Японии и США созвать внеочередное заседание Совбеза ООН, расширил санкции против Северной Кореи. Япония и ЕС ежегодно подают в Генассамблею ООН совместные резолюции, призывающие правительство страны соблюдать права человека. Практически в каждом итоговом документе по результатам японо-европейских саммитов присутствует упоминание о северокорейской проблеме и, отдельно, о проблеме похищенных граждан. Однако дальше того, чтобы признать важность проблемы в совместных пресс-релизах и резолюциях, ЕС не идёт.

Угроза развития японо-китайского территориального конфликта находит у руководства ЕС меньший отклик. В разгар конфликта в сентябре 2012 г. ЕС принял резолюцию, в которой говорилось о необходимости соблюдать принципы Конвенции ООН по морскому праву, но при этом даже не были названы стороны конфликта, сообщение было предельно кратким, с обтекаемыми формулировками. Такой же краткой и сдержанной была резолюция ЕС, в которой он признавал решение Гаагского трибунала об отсутствии приоритетных прав Китая на использование территорий и ресурсов Южно-Китайского моря, но при этом не призывал Пекин к его исполнению.

По мнению докладчика, ЕС не готов идти на конфронтацию с Китаем и явно поддерживает Японию в территориальном споре вокруг островов Сэнкаку, во-первых, из-за существенной экономической зависимости от Китая, во-вторых, из-за внутренних разногласий между странами-участницами. На данном этапе ЕС старается усидеть на двух стульях: избегать явной критики Китая и сохранять благожелательные отношения с Японией, которая ожидала от ЕС большей поддержки и была разочарована сдержанной реакцией на решение Гаагского трибунала.

С темой «Воздействие политических событий на экономические взаимосвязи Японии и КНР» выступила **Коростелёва М.О.** (НИУ ВШЭ). В Восточной Азии сформировалась ситуация, которая, похоже, противоречит либеральным теориям мира: экономические отношения между странами активно развиваются несмотря на достаточно серьёзный уровень политической напряжённости и даже на фоне периодически обостряющихся конфликтов. Ярким примером являются японо-китайские отношения.

Воздействие политических событий на японо-китайские экономические связи докладчик разделяет на прямое и опосредованное. Прямое воздействие наблюдается в тех случаях, когда в ответ на негативное политическое событие власти принимают жёсткие административные меры, нацеленные на ограничение экономического обмена. Такими мерами были введение обеими сторонами высоких импортных пошлин на продукцию друг друга во время «торговой войны» в 2001 г., временная заморозка, сокращение объёмов и прекращение выплат официальной помощи развитию (ОПР) Китаю в 2000–2004 гг.,

ограничение поставок редкоземельных металлов из КНР в Японию начиная с 2010 г. Причём в перечисленных эпизодах проигравшей стороной выступает Япония. Это свидетельствует об асимметричной экономической зависимости в японо-китайских отношениях.

Негативный новостной фон может оказывать влияние на динамику экономических взаимосвязей Японии и КНР опосредованно: в таком случае решение о приостановке, сокращении, изменении форм или прекращении сотрудничества с иностранным партнёром принимают частные компании. Опосредованное воздействие по-разному проявляется в краткосрочном и среднесрочном периодах. В краткосрочном периоде негативные новости вызывают реакцию у компаний-импортёров, и они временно сокращают объёмы закупок. Это сказывается на динамике товарооборота, но не сразу, а с временным лагом примерно в 5 месяцев. Однако как только политическое событие уходит в прошлое, объёмы торговых потоков восстанавливаются. В среднесрочной перспективе негативные политические события побуждают частные компании корректировать свою инвестиционную стратегию. Так, после обострения территориального конфликта в 2012 г. наблюдается снижение объёмов японских прямых инвестиций в китайскую экономику как в абсолютном, так и в относительном выражении. О настороженном отношении инвесторов и потенциальных инвесторов из Японии к ситуации в Китае свидетельствуют и результаты опросов JETRO: в 2012–2015 гг. в числе главных рисков на китайском направлении называлась нестабильная политическая обстановка.

Лещенко Н.Ф. (к.и.н., ИВ РАН) выступила на тему «Непрочитанные страницы в истории российско-японских отношений. Столкновение интересов. Конец XIX – начало XX в. (По работам Д.М. Позднеева)». Большинство проблем в межгосударственных отношениях имеют свои исторические корни, что наглядно демонстрируют российско-японские отношения. Проблема, связанная с Курильскими островами, обозначилась уже при подписании первого русско-японского договора в 1855 г., установившего межгосударственные отношения между странами. И территориальный вопрос в дальнейшем превратился в камень преткновения в русско-японских отношениях. В опубликованной в 1925 г. работе «Япония. Страна, население, история, политика» Д.М. Позднеев так писал об этом: «Цисима (1000 островов) [*Тисима*], или Курильская группа известны благодаря дипломатической борьбе между Японией и Россией за их обладание, закончившейся договором 1875 г., по которому Япония отказалась от своих претензий на южную часть о. Сахалина и получила взамен этого Курильские острова... Этот обмен был колоссальным и грубым промахом прежней царской дипломатии». По мнению учёного, Россия лишилась свободы действий в дальневосточных водах, а главное, выхода в океан, он предугадал трудности в решении этой проблемы в будущем.

В работе Д.М. Позднеева, написанной и изданной в Японии в 1909 г., – «Материалы по истории Северной Японии и её отношений к материкам Азии и России» содержится много сведений. И стоит обратить внимание на такой вывод автора: «Определить, что в жизни Дальнего Востока важнее: движение ли сюда России, пробуждение Китая или возникновение новой великой державы-Японии, представляется положительно недоступным для обыкновенного человеческого ума. Но, во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что этими тремя факторами главным образом определяется ныне и будет ещё надолго определяться жизнь прилегающих к западному побережью Тихого океана стран. Однако, каковы бы ни были грядущие формы политических отношений держав на Дальнем Востоке,

остаётся неизбежно верным одно положение – необходимость изучения ими [Россией и Японией] друг друга. Для полного же знания всякого вопроса, касающегося любого государства, необходимо изучение его географии и истории». По мнению докладчика, прогноз учёного оправдался.

Саркисов К.О. (к.и.н., ИВ РАН) обозначил две темы: «События в Цзинане и убийство Чжан Цзолиня (1928 г.)» и «Василий Васильевич Верещагин и Япония». По первой теме докладчик отметил, что в начале января 1928 г. после невольной отставки Чан Кайши возвращался в большую политику, но ситуация в партии Гоминьдан оставалась крайне сложной. В самой японской столице в эти дни происходило нечто тоже похожее на бунт. На выборах партия Сэйюкай во главе с Танака набрала много голосов и по числу парламентских мест сравнялась с оппозиционной партией Минсэйто, но равновесие было шатким. Настоящим испытанием для кабинета министров оставалась внешняя политика. Особенно тревожной была ситуация в Китае. В середине февраля 1928 г. вернувшийся во власть Чан Кайши начал поход на Пекин, где правил «маньчжурский диктатор» Чжан Цзолинь. Первое серьёзное столкновение японцев с вооружёнными силами тех, кто шёл в сторону Пекина, произошло в мае 1928 г. в Цзинани – столице Шаньдунской провинции. 3 мая первые ожесточённые бои между гоминьдановскими силами и японскими частями сопровождались значительными потерями с обеих сторон. В этот период особенно чётко проявилось самоуправство японских военных, решения которых стали брать верх над соображениями японской дипломатии. Внезапно оставив Цзинань, Чан Кайши начал двигаться в сторону Пекина. Заявление Токио о недопущении военных действий в Маньчжурии «уравновешивалось» готовностью обеспечить плавный и бескровный переход власти в Пекине в руки Чан Кайши. Но уход Чжан Цзолиня из Пекина и его перебазирование в Мукден ставило перед Токио новые проблемы – возвращение диктатора в маньчжурскую столицу не обещало лёгкой жизни для японской дипломатии. Решение нашли военные: вагон поезда с Чжан Цзолинем в том месте, где под мостом он пересекал линию ЮМЖД, 4 июня 1928 г. ранним утром от мощного взрыва разлетелся на куски.

Через месяц 6 июля 1928 г. в Пекине, в одном из храмов у Западных Холмов во время церемонии перехода власти в руки Гоминьдана и формального объединения страны у тела Сунь Ятсена собрались командиры армий «Северного похода». Чан Кайши, обняв гроб своего учителя, не мог сдержать слёз. Фэн Юйсян поднимал его с колен и как мог утешал, а рядом в траурном молчании стояли Янь Сишань и Ли Цзунжэнь. Только им четверым было разрешено лицезреть покойника. Через год все присутствующие перессорятся и будут воевать друг против друга. Концентрация власти в руках Чан Кайши вызовет неприятие. В стране по-прежнему будет царить хаос, которым воспользуется Япония, чтобы сохранить и укрепить свои позиции в Маньчжурии.

Касаясь второй темы, докладчик напомнил, что 26 октября 2017 г. исполнилось 175 лет со дня рождения русского художника Василия Васильевича Верещагина. Его кисти принадлежат многие яркие картины, изображающие Восток, его архитектуру и людей в обширном географическом диапазоне от Средней Азии до Индии, от Китая до Филиппин. В 1903 г. Верещагин посетил и Японию. О его пребывании сведения отрывочны. В японских газетах можно найти упоминание о том, что 16 октября 1903 г. российский посланник барон Розен нанёс визит Главному Церемониймейстеру императорского двора барону Санномия

Ёситанэ и выразил ему благодарность за радушный приём российского художника Верещагина во время пребывания того в Японии.

Талант русского художника особенно проявился в написании батальных картин. Спустя три месяца после начала русско-японской войны Верещагин отправился в Порт-Артур в надежде, что его возьмут на борт одного из кораблей в качестве художника. Он был известен своими резкими антивоенными высказываниями. Искусство и война – вещи несовместимые. Ярко рисуя картины боёв, он показывал, как отвратительно убийство людьми себе подобных. Адмирал Макаров, взявший его на борт броненосца «Петропавловск», флагмана российских кораблей в Порт-Артуре, говорил художнику: *«Береги себя! Если убьют меня, всегда найдётся замена. Убьют тебя – замены тебе не найти»*.

Они погибли оба в один и тот же день и в ту же минуту. 13 апреля 1904 г. флагман российской эскадры «Петропавловск» наткнулся на японскую мину: сдетонировал боезапас и после мощного взрыва, разломанный пополам, он пошёл ко дну. *«Это большая потеря для российского флота»*, – писал в эти дни японский историк и критик Сасагава Римпу. *«Но это и огромное несчастье в истории российского искусства. Данное событие выделяется на общем фоне новостей и мы, японцы, глубоко сочувствуем высоким порывам большого художника, который пожертвовал собой во имя своей страны, во имя искусства»*.

По теме «Российское направление во внешней политике Синдзо Абэ» выступил **Кузьминков В.В.** (PhD, ИДВ РАН), напомним хронологию развития отношений. Так, 26 декабря 2012 г. сразу после назначения на должность премьер-министра Японии С. Абэ заявил о готовности улучшить русско-японские отношения. 29–30 апреля 2013 г. С. Абэ посетил Москву – это был первый официальный визит главы японского правительства в Россию за 10 лет. По итогам саммита был подписан ряд меморандумов об экономическом сотрудничестве в различных областях. Принципиально новым моментом стал предложенный японской стороной новый формат консультаций министров иностранных дел и министров обороны (формат «2+2»).

7 февраля 2014 г. сразу после завершения своей речи на собрании участников «движения за возвращение северных территорий», С. Абэ вылетел в Сочи на церемонию открытия XXII зимних Олимпийских игр с целью укрепить доверительные отношения с президентом России. Это было особенно важно в условиях политического бойкота церемонии открытия игр лидерами ряда западных стран, включая США и Великобританию.

Однако в марте 2014 г. в ответ на присоединение Крыма к России Япония как член «большой семёрки» (G7) присоединилась к антироссийским санкциям, что осложнило взаимоотношения с Россией.

Накануне саммита G7 в Исэсима и вопреки позиции президента США Б. Обамы, настойчиво советовавшего С. Абэ воздержаться от посещения России, в мае 2016 г. С. Абэ посетил Сочи с рабочим визитом. Важное значение имело предложение С. Абэ о расширении экономического сотрудничества – «программа из восьми пунктов». С целью форсировать зашедшие в тупик переговоры о мирном договоре, С. Абэ предложил «новый подход, свободный от идей прошлого». По мнению докладчика, это был тактический шаг японской стороны, которая рассчитывала путём экономического сотрудничества и интенсивного политического диалога на высшем уровне создать благоприятную атмосферу для принятия политического решения по территориальному вопросу.

Кульминацией политики С. Абэ на российском направлении должен был стать визит российского президента в Японию. Японская пресса наперебой обсуждала количество островов, которые В.В. Путин якобы согласится «вернуть» во время своего визита. Однако прошедший в Японии 15–16 декабря 2016 г. российско-японский саммит не принёс японцам ожидаемых результатов. В итоге стороны сделали специальное Заявление для прессы, в котором выразили консолидированное мнение о том, что «важным шагом на пути к заключению мирного договора может стать начало консультаций о совместной хозяйственной деятельности России и Японии на южных Курильских островах». При этом японская сторона не скрывала, что совместная хозяйственная деятельность на островах должна открыть дорогу к их «возвращению». Но до сих пор сторонам так и не удалось достичь согласия в отношении правового режима, на основе которого они будут осуществлять совместную хозяйственную деятельность на островах. Докладчик делает вывод, что «новый подход» С. Абэ, рассматривающий экономическое сотрудничество как аванс за будущие политические уступки, не работает. К тому же японская сторона переоценила возможности личной дипломатии.

Хойлова У.А. (МГИМО(У) МИД России) выступила по теме «Восточноазиатская дипломатия как фактор формирования российского направления внешней политики Японии в постбиполярный период». По её мнению, восточноазиатская дипломатия Японии носит противоречивый характер: с одной стороны, её вектор направлен на поддержание равных и стабильных отношений со странами Восточной Азии в целях сохранения безопасности и стабильности в регионе, а с другой – Япония стремится обеспечить собственную безопасность путём сдерживания растущих угроз со стороны КНДР и КНР. Соображения собственной безопасности становятся всё более определяющими для Японии, что не может не оказывать влияния и на выработку российского направления внешней политики Японии.

Докладчик делает два вывода. Первый: восточноазиатская дипломатия Японии действительно вносит коррективы в позицию Японии как в отношении самой России, так и по ключевым вопросам, лежащим на повестке дня японо-российских отношений, создавая положительные условия для развития двусторонних отношений. Второй: фактор восточноазиатской дипломатии не способствует существенному углублению японо-российских связей. Если ухудшение отношений Японии с восточноазиатскими странами неизменно ведёт к сближению Японии с США, то на российском направлении происходят незначительные изменения – инициативы Японии ограничиваются лишь призывами к международному сотрудничеству, а двустороннее взаимодействие не продвигается далее диалога.

Что касается Китая, то Япония крайне настороженно относится к сближению России и Китая, полагая, что оно может принять антияпонский характер, а также крайне болезненно воспринимает особенно их военно-техническое сотрудничество. В то же время Япония не выдвигает серьёзных инициатив по укреплению военно-технического сотрудничества с Россией. Таким образом, противоречивость восточноазиатской дипломатии Японии вносит существенный элемент неоднозначности в политику и на российском направлении.

По теме «Северные территории»: политические цели масштабной картографической агрессии Японии» выступил **Зимонин В.П.** (д.и.н., Военный университет Министерства обороны РФ), который сообщил, что 30 ноября 2017 г. ИА «Регнум» опубликовало опрос россиян, в котором приняли участие 54 309 человек. Подавляющее число (89 %)

респондентов твёрдо заявили: Курилы при любом развитии отношений между Россией и Японией должны оставаться российскими. Однако опрос также показал, что лишь 54–55 % респондентов достаточно информированы по существу вопроса о том, кому принадлежит приоритет в первооткрытии и первоосвоении Курильских островов, как исторически решался вопрос об их государственной принадлежности и в чём суть современных японских подходов по этому вопросу. Докладчик отметил, что вплоть до реформ Мэйдзи (1867–1869), как свидетельствуют карты «Полного атласа Японии», не только Курилы, но и северный остров современной Японии Хоккайдо не входили в состав империи.

В настоящее время Япония постоянно муссирует тему о «северных территориях», более того, в 2009 г. официально провозгласила южные Курилы своей неотъемлемой частью. Кроме того, есть много свидетельств, что реваншистские притязания к России южными Курилами отнюдь не ограничиваются. В мае 1988 г. по заказу японского правительства был подготовлен «Промежуточный отчёт по исследованию внешней политики и комплексного обеспечения национальной безопасности». «Япония, – говорится в нём, – должна продолжать выдвигать требования о возврате всех северных территорий... Заключить японо-советский мирный договор после возвращения четырёх северных островов. Япония должна также пытаться заключить японо-советский мирный договор, включая возвращение всех Курильских островов. Объявить пункт с) 2-й статьи мирного договора с Японией, в котором утверждается, что Япония отказывается от Курил, недействительным». В правительственном документе «Белая книга по обороне Японии» «северные территории» обозначаются ещё более фривольно: начиная с первого выпуска за 1981 г., японские границы в них обозначаются севернее о. Итуруп, а «спорные территории» – до середины о. Сахалин и Камчатки. По мнению докладчика, необходим твёрдый отпор любым поползновениям на российские территории.

Тему «Перспективы экономического сотрудничества между Россией и Японией в период нового сближения» затронул **Валиуллин Р.З.**, который привёл примеры успешного сотрудничества между Россией и Японией в производственной сфере. В частности, он обратил внимание на важность создания эффективной цепи поставщиков. Россия должна удвоить темпы роста с 1,8 % в 2017 г. до 3,5 %, чтобы достигнуть среднемировых показателей. В условиях медленного роста экономики важен пример Японии, где в отсутствии сырьевой ренты уже более 50 лет сохраняются высокая производительность труда и уровень инноваций. Основа её экономики – развитые цепи поставщиков.

Японские компании привлекает рынок Европейской части России, где за последние 10 лет начали работу заводы крупнейших производителей: автомобилей – Toyota и Nissan, экскаваторов – Komatsu и Hitachi, шин – Yokohama и Bridgestone. Они производят продукт, опираясь на глобальные цепочки поставщиков, но российским компаниям надо в них войти.

Запуск экскаваторного завода Hitachi в Твери (2010–2015) – пример высокотехнологичного производства в условиях волатильной экономики: чтобы конкурировать, необходимо специализироваться на ключевых инновационных продуктах и снижать их себестоимость, развивая цепи поставщиков и оптимизируя логистику, считает докладчик.

Нелидов В.В. (МГИМО(У) МИД России) выступил с темой «Внешиполитический процесс в Японии периода “системы 1955 года” на примере заключения японо-американского Договора безопасности». Он отметил, что период господства ЛДП в японской

политике в 1955–1993 гг., известный также как период «системы 1955 года», является ключевым для всей послевоенной истории Японии: во многом именно тогда сформировались те институты и особенности политической культуры, которые продолжают определять её функционирование и по сей день. Вследствие этого изучение процесса принятия решений в данный период, в частности, анализ процесса выработки решений в сфере внешней политики, является актуальной и практически значимой задачей, в том числе, с точки зрения понимания логики современной японской внешней политики. Докладчик рассмотрел один из примеров такого процесса, относящийся к начальному этапу существования «системы 1955 года», включающему выработку, подписание и ратификацию японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности 1960 г.

Исходя из анализа действий и мотиваций различных участников этих событий – премьер-министра Киси Нобусукэ, министра иностранных дел Фудзияма Айитиро, лидеров фракций правящей ЛДП, а также оппозиционных политиков – докладчик делает следующие выводы. Во-первых, вопреки распространённому в японской политической системе механизму принятия решений «снизу вверх», выработка деталей изучаемого решения осуществлялась очень ограниченным кругом лиц. Во-вторых, действия практически всех задействованных акторов могут быть истолкованы как, в немалой мере, оппортунистические и мотивированные стремлением скорее максимизировать собственную конъюнктурную выгоду, нежели добиться конкретной цели в сфере внешней политики. В-третьих, итоговым результатом действий всех участников внешнеполитического процесса было то, что, несмотря на реализацию общей цели, а именно успешное подписание Договора безопасности на условиях, в общем и целом отвечавших интересам Японии, практически ни один из отдельно взятых участников не смог достичь своих индивидуальных политических целей в полной мере.

На тему «Военно-техническое сотрудничество Японии с иностранными государствами и интересы России» выступил **Парамонов О.Г.** (к.и.н., МГИМО(У) МИД России). По его мнению, страны, занимающиеся экспортом вооружений, на протяжении длительного времени не рассматривали Японию в качестве своего конкурента из-за существовавшего в Токио консенсуса между политиками и представителями бизнеса о целесообразности полного отказа от торговли оружием с целью обеспечения мирного развития страны. Но возникшая в Японии во время холодной войны система полного запрета экспорта вооружений и участия в его совместном производстве, известная как «Три принципа военного экспорта», стала постепенно смягчаться под влиянием участия Токио в американских планах по созданию ПРО. Так, с 2008 г. Япония участвует в совместной с США разработке новой модификации противоракеты Standard Missile-3, получившей название SM-3 Block IIА.

Решение С. Абэ открыть трансфер некоторых категорий продукции военного назначения обусловлено изменениями региональной среды безопасности, в частности усилением военно-морской мощи Китая. В Токио, очевидно, полагают, что осуществление Японией военно-технического сотрудничества под политическим «прикрытием» взаимодействия с США может способствовать снижению заинтересованности Пекина в региональной гонке вооружений, обеспечив поддержание достаточного уровня военных возможностей дружественных Японии государств. Кроме того, С. Абэ рассчитывает диверсифицировать политику Японии в области безопасности, используя военно-

техническое сотрудничество для выстраивания и укрепления связей в оборонной сфере не только с региональными акторами, например, Австралией и Индией, но и с европейскими странами.

Начав с осторожных шагов по участию в региональной ПРО ТВД, Токио оказался вовлечён в процесс создания глобальной противоракетной архитектуры, предназначение которой выходит за рамки национальных интересов Японии. При этом затрагивается крайне чувствительная для России проблематика, связанная с ЕвроПРО. С точки зрения оценок экспортных перспектив японского ОПК, включая возможности его конкуренции с другими крупными экспортёрами военной продукции, в том числе с Россией, представляют интерес уже имевшие место попытки самостоятельного выхода Токио на внешние рынки вооружений с такими высокотехнологичными видами военной продукции, как самолёты и подводные лодки, отмечает докладчик.

Катасонова Е.Л. (д.и.н., ИВ РАН) подняла тему «Япония и соперничество “мягких сил” в Восточной Азии». В последние годы большую популярность в мировой геополитике приобрела концепция «мягкой силы», выдвинутая в 1990 г. американским политологом Джозефом Наем. Общий смысл понятия «мягкой силы» состоит в том, что сила и влияние страны на международной арене измеряются не только количеством боеголовок и экономической мощью, но и политическими и культурными достижениями. Дж. Най предрекал «подъём Азии», выделяя, в первую очередь, большие потенциальные ресурсы «мягкой силы» Японии.

В азиатских странах очевидно влияние японской поп-культуры, начиная с комиксов-манга, анимационных фильмов-аниме, кино, поп-музыки, моды, кухни и т.д. Но несмотря на впечатляющие успехи Японии в этой области, на большие средства, вкладываемые в реализацию известного проекта «Cool Japan», страна по силе своего «мягкого воздействия» пока ещё отстаёт от США, Великобритании и др., что свидетельствует о существующих пределах, сдерживающих дальнейшее продвижение японской «мягкой силы» в мире. И один из них – стремительно растущая конкуренция со стороны Китая и Республики Корея.

В последние годы наблюдается стремительное распространение корейской культуры в мире, инициированное и спонсированное правительственными и частными структурами страны и получившее название «корейской волны». «Корейская волна» – своеобразная альтернатива японскому проекту «Cool Japan», поднялась в конце 1990-х годов. Сначала вестниками и проводниками этой волны были теледрамы и художественные фильмы, а также популярная музыка – К-Поп, вызвавшие в других странах, включая Японию, настоящий культурный бум. А сегодня это понятие уже предполагает и иностранный туризм, и модную одежду, и сувенирную продукцию, и национальную кухню, а также многое другое, что сделано в Южной Корее. Новый подъём «корейской волны» сегодня связывают, прежде всего, с зимними Олимпийскими играми в Пхёнчхане в 2018 г. Правда, по иронии судьбы, летние Олимпийские игры 2020 г. пройдут в Токио, и соперничество двух держав в этой области достигнет небывалого накала.

Рост «мягкой силы» в последнее время демонстрирует и современный Китай. Китайские теоретики сразу приступили к разработке собственных постулатов международных отношений, сделав особый акцент на пропаганде национального духовного и художественного наследия. Эта задача сегодня возложена на так называемые Институты и классы Конфуция – культурно-образовательные центры по обучению китайскому языку и ознакомлению с традиционной китайской культурой. Пожалуй, это – самый успешный и перспективный

проект в политике «мягкой силы» Китая. Начав с Республики Корея и стран Азии, китайцы вскоре внедрили это культурное начинание в более чем 100 стран мира. Правда, по мнению экспертов, позитивные оценки влияния Китая пока ещё можно встретить лишь в Африке и Латинской Америке, тогда как в США, Японии и Южной Корее преобладают негативные отклики.

По мнению докладчика, можно определённо утверждать, что путь к региональному лидерству лежит, в том числе, через развитие «мягкой силы» стран и что своими «мягкими силами» в обозримом будущем предстоит побороться Японии, Китаю и Южной Корее.

На тему «Осуществление японской политики “мягкой силы” на примере отношений со странами Центральной Азии» выступила **Добринская О.А.** (к.и.н., ИВ РАН). По её мнению, «мягкая сила» является одним из наиболее развитых инструментов японской внешней политики. И хотя пять республик Центральной Азии (ЦА) не считаются приоритетными с точки зрения японских национальных интересов, регион находится в сфере пристального внимания Токио, и на него направлены значительные финансовые ресурсы.

По мнению докладчика, особенности политики «мягкой силы» Японии в ЦА состоят в следующем: (1) сравнительно недолгая история развития дипломатических связей; (2) использование культурной и расовой схожести и, как результат, особой близости; (3) в отличие от Восточной Азии, в этом регионе репутация Японии не отягощена негативным багажом истории. Таким образом, в ЦА изначально сложились благоприятные условия для реализации Японией своих внешнеполитических инициатив.

Политика «мягкой силы» направлена на формирование следующих особенностей имиджа Японии: имидж дружелюбного государства, не преследующего корыстных целей в отношении ЦА; имидж нейтрального актора в регионе; привлекательность японской послевоенной модели развития; лидерство в сфере инноваций; лидерство в решении социально-экономических проблем; государство, придающее особое значение вопросам окружающей среды.

Основными инструментами проецирования мягкой силы Японии в ЦА являются Официальная помощь развитию, а также культурная и публичная дипломатия. Ресурсными центрами японской мягкой силы в регионе стали посольства во всех пяти республиках, а также так называемые совместные Центры развития человеческих ресурсов «Японские центры». Реализация Японией политики «мягкой силы» в ЦА позволяет сформировать благоприятное отношение местных элит и населения, способствует продвижению её экономических интересов и реализации внешнеполитического курса.

Муратшина К.Г. (к.и.н., Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина) и **Жанг Тхи Тхом** (УрФУ) выступили с темой «“Мягкая сила” в политике Японии в отношении Вьетнама». Развитие отношений с Социалистической Республикой Вьетнам является одним из важных направлений внешней политики Японии как в силу её заинтересованности в экономическом сотрудничестве с данной страной, так и в контексте соперничества с Китаем за лидерство в АТР. В отношениях с СРВ японская сторона решает совершенно конкретные задачи – от размещения необходимых для неё производств до психологического давления на Пекин в островном споре в Восточно-Китайском море.

Одним из средств развития контактов и усиления влияния стали различные проявления политики «мягкой силы» Японии в отношении Вьетнама. Прежде всего это развитие

сотрудничества в таких сферах, как образование, культурные обмены (выставки, гастроли, литературные фестивали, кино, проведение Годов дружбы), распространение японского языка и культуры, туризм, реставрация исторических памятников. Также существуют тенденции в экономическом сотрудничестве, которые повышают привлекательность Японии в глазах вьетнамских партнёров, а именно: инвестиционная активность, признание рыночного характера вьетнамской экономики, разнообразные программы обучения персонала и готовность вкладываться во вторичный и третичный сектор вьетнамской экономики, в то, что обеспечивает более-менее реальное индустриальное и технологическое развитие.

Докладчики отмечают, что стратегия, выбранная японской стороной в отношении с СРВ, оказалась успешной, и «мягкая сила», несмотря на наличие ряда проблем, работает. Результатом этого можно считать такие показатели, как рост товарооборота и туристических потоков, расширение сотрудничества Вьетнама с Азиатским банком развития, в котором, как известно, японская сторона занимает доминирующие позиции, а также готовность совместно продолжать проект Транстихоокеанского партнёрства даже после выхода из него США.

Историческую тему «Роль азиатского рынка как двигателя промышленного развития Японии в последней четверти XIX века» затонула **Емельянова О.Н.** (НИУ ВШЭ). По её мнению, существует ряд теорий, которые среди факторов индустриального экономического роста особое внимание уделяют развитию международной торговли. Среди них можно привести в пример концепции американского экономиста лауреата Нобелевской премии Кузнеца С., исследователей Енниса Х. (Ennis H.) и Норта Д., а также японского ученого Синохара Миэхэй. Подтверждением этих теорий может являться и Япония последней четверти XIX века, в которой возможность выхода на азиатский рынок существенно повлияла на процесс индустриализации. Переход Японии к новому хозяйственному укладу был не возможен без роста потребления. Однако внутренний рынок в силу ряда причин не мог за короткий период времени предложить соответствующего расширения спроса на новую индустриальную продукцию. Одновременно с этим к концу XIX века Япония для стран Запада продолжала оставаться сырьевым придатком – экспортёром сырья (шёлк и чай) и импортёром средств производства.

Решением стало расширение торговых отношений с азиатскими странами, в которых Япония начала играть качественно иную роль, выступая импортёром сырья (хлопок, рис) и экспортёром готовой хлопчатобумажной продукции. Значение азиатского рынка для японских производителей неуклонно возрастало, и он стал ключевым рынком сбыта промышленной японской продукции. При этом со временем наблюдался не только рост товарооборота, но и качественное улучшение экспортируемой продукции.

Докладчик рассказала о ключевых факторах, которые позволили японским торговцам завоевать азиатский рынок.

Мищенко Я.В. (к.э.н., ИДВ РАН) выступила по теме «Япония как потенциальный лидер ТТП: проблемы и перспективы участия в проекте». По мнению докладчика, Транстихоокеанское партнёрство (ТТП) – это важное торговое соглашение последнего времени в сфере экономики и геополитики, которое создаёт базу для формирования в будущем всеобъемлющей Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. ТТП нацелено на сокращение тарифов в региональной торговле, в перспективе – на создание

в Тихоокеанском регионе единого рынка и позиционируется как стратегическое, всеобъемлющее интеграционное соглашение нового поколения.

США, вступая в переговоры о формировании ТТП в 2008 г., утверждали, что «заинтересованность Японии в ТТП демонстрирует экономическую и стратегическую значимость инициативы». Япония не сразу приняла решение об участии ввиду разногласий японских промышленных кругов и представителей аграрного сектора. Когда Япония присоединилась к ТТП, США и Японию стали рассматривать как главную ось, «несущую конструкцию» этого многостороннего соглашения. Эти два государства имеют соглашения о свободной торговле с большинством остальных участников, но не друг с другом. После выхода США из ТТП в 2017 г. Япония намеревалась убедить Вашингтон изменить решение, считая, что без участия США проект не имеет смысла, фундаментальный баланс интересов будет утрачен. Но Япония осталась крупнейшей экономикой в рамках проекта, и чтобы обеспечить жизнеспособность ТТП и его введение в действие, оказалась перед необходимостью взять на себя лидерство в этой новой формирующейся структуре.

В настоящее время переговоры находятся на стадии обсуждения 11 странами. Японии как потенциальному лидеру предстоит большая работа по согласованию новых положений договора, по «заморозке» старых условий, одновременно по предпринимаемым попыткам убедить США в сохраняющейся привлекательности ТТП. Принятие важных итоговых решений по дальнейшей судьбе ТТП планировалось в ноябре 2017 г. во время саммита АТЭС. Однако Канада не стала участвовать в общей встрече. При этом министры торговли стран ТТП достигли соглашения о важных элементах базового соглашения. Стороны решили сменить название будущего объединения на «Всестороннее прогрессивное Транстихоокеанское партнёрство», что означает, что соглашение будет охватывать не только торговлю, но также сферу инвестиций, защиту интеллектуальной собственности.

По теме «Перспективы Японии при включении четвёртого актора в переговоры с КНР и Республикой Корея о ЗСТ» выступил **Галимов М.В.** (Волгоградский государственный университет). Диалог КНР – Япония – Республика Корея, считает докладчик, зачастую остаётся без внимания. Хотя Зона свободной торговли (ЗСТ) между тремя странами могла бы стать крупнейшим интеграционным объединением после ЕС и НАФТА. Кроме того, данная ЗСТ послужила бы основой для оформления Всестороннего регионального экономического партнёрства (ВРЭП), включающего весь АСЕАН и треугольник КНР – Япония – РК (АСЕАН+3).

Для Японии ВРЭП и ЗСТ с КНР и РК могло потерять актуальность по следующим причинам. Из-за выхода США из ТТП Япония может стать лидером ТТП, где она не будет чувствовать давления со стороны КНР. К тому же корейские ученые в 2009 г. определились, что японо-корейская ЗСТ будет мало выгодна для их страны, в отличие от корейско-китайской ЗСТ. Именно поэтому КНР с РК заключили соглашение по ЗСТ в 2015 г. У Японии нет ЗСТ ни с РК, ни с КНР. Однако включение в треугольник ЗСТ четвёртого актора может уравнивать выгоды Японии и других стран при образовании новой многосторонней ЗСТ.

По мнению докладчика, Япония стоит перед непростым выбором: заключить договор о заведомо невыгодной ЗСТ с КНР и РК или выйти из переговоров и лишиться перспективы участия в ВРЭПе. Введение четвёртого актора может быть выгодно Японии. Вступление США в переговоры не представляется возможным, а участие России имеет как плюсы, так

и минусы. Японии необходимо выбрать между Индией и Австралией, с которыми у Японии есть ЗСТ, до того, как её вынудят подписать невыгодный ей в данный момент трёхсторонний договор о ЗСТ.

Тихоцкая И.С. (к.э.н., МГУ им. М.В. Ломоносова) выступила по теме «Солнечное “чудо” Японии и Китая». Докладчик напомнила, что первый фотогальванический элемент был изобретен в США в середине 1950-х годов. Однако вследствие высокой стоимости прошли десятилетия, прежде чем началось их широкое использование для получения электроэнергии. В 2014 г. Международное энергетическое агентство заявило о том, что солнечная фотовольтаика в 2050 г. может стать единственным источником электричества, а её стоимость может понизиться до 4 долларовых центов за кВт·ч.

Япония была первой страной, которая стала развивать солнечную энергетику на законодательном уровне, и первой достигла 1 ГВт солнечных мощностей. Сначала фотовольтаические установки приобрели популярность в жилых домах, а после 2011 г. началось активное строительство мегасолнечных станций. В Японии разворачивается настоящий солнечный «бум», значительно ускорившийся в 2016 г.

Однако наступило время существенных перемен. Японское солнечное «чудо», вероятно, продолжится, но теперь в первую очередь благодаря китайским компаниям, крайне заинтересованным в сбыте своей продукции на японском рынке. Японские же производители будут вынуждены находить свои ниши, чтобы выпускать для солнечно-энергетической отрасли продукцию, обладающую уникальными свойствами. Солнечная энергетика как отрасль в Японии от этого только выиграет: повысится рентабельность производства, стоимость производимой электроэнергии снизится и откроются новые горизонты применения солнечных панелей и фотоэлементов. А конкуренция и амбиции сторон приведут не только к экологизации энергетики Японии и Китая, но и к улучшению экологической ситуации в Восточной Азии в целом, считает докладчик.

Тему «Японо-монгольское сотрудничество в социально-экономической области в 2000–2010-е годы (на примере создания “умных городов” и продвижения проектов выработки “чистой энергии”» раскрыла **Малашевская М.Н.** (к.и.н., Санкт-Петербургский государственный университет). Она отметила, что в начале 21 века японо-монгольское сотрудничество в социально-экономической области демонстрирует ощутимую динамику развития. Существует мнение, что данный процесс связан с заинтересованностью Японии в получении дополнительного источника поступления природных ресурсов, которыми располагает Монголия, и что именно этот аспект является преобладающим в развитии двухсторонних экономических связей. Однако связи в социальной сфере, внедрение инновационных проектов на территории Монголии, привлечение монгольских студентов для обучения в японских вузах заставляет задуматься о более сложной структуре двухсторонних отношений, базирующихся не только на прагматических интересах, но и идеациональных мотивах.

Докладчик затронула два аспекта данного сотрудничества: (1) развитие проектов по созданию Smart City и (2) внедрение проектов по выработке «Чистой энергии».

По вопросу реконструкции Улан-Батора в Smart City была рассмотрена концепция «умных городов», которая активно имплементируется развитыми и развивающимися странами мира в глобальном масштабе в течение последних 20 лет. «Умные города» появляются в Японии, и самыми яркими примерами служат Токио (Программа реконструкции

Коикэ Юрико), Иокогама, Тоёта, Кэйханна, Китакою. Во втором десятилетии 21 века. Япония последовательно экспортирует smart-технологии в первую очередь в Азию. В smart-реконструкции Улан-Батора участвует не только японский капитал (JETRO и JICA), но и привлекаются инициативные представители бизнеса и муниципалитетов на уровне регионов (например, Хоккайдо – Улан-Батор). Япония испытывает конкуренцию китайских и южнокорейских компаний, участвуя в проекте с начала 2010-х гг., и избрала для себя модель частичной вовлеченности в реконструкции выборочных объектов.

По линии программы выработки «Чистой энергии» на территории Монголии японские компании вовлечены в проекты создания ветряных парков в районе Цэций и Хурмэн. Данная программа развёртывается в рамках стратегии «Чистая энергия в Азии», продвигаемой на многосторонней основе. Япония является одним из основных инвесторов, технологическим донором. Ведущую роль в реализации проектов Цэций и Хурмэн играет JICA, прибегающее к использованию ОПР и привлекающее японский крупный бизнес к данной деятельности в 2000–2010-х годах.

По мнению докладчика, в качестве вывода можно говорить об укреплении и дальнейших перспективах японо-монгольского партнёрства, хотя очевидно, что два участника процесса не являются равнозначными с точки зрения экономического и международно-политического потенциала. На опыте реализации указанных социально-экономических проектов можно говорить о расширении инструментария японской внешней политики, далеко выходящей за рамки классической дипломатии, внешнеторговой деятельности и прочно вписывающейся в стратегию внешней и внутренней политики, направленной на устойчивое развитие, реализацию экологической и культурной дипломатии, применение многосторонней и многоуровневой региональной дипломатии на основе принципов «мягкой силы».

В заключение блока докладов **Полхов С.А.** (к.и.н., ИВ РАН) выступил с сообщением на тему «Дискуссия вокруг содержания учебников по истории в Японии». В частности, он отметил, что ревизия японских учебников – это часть образовательной реформы, инициированной С. Абэ. Новые стандарты отбора учебников, согласно которым при описании некоторых вопросов современной истории в учебнике должна быть отражена точка зрения правительства или решения судов, вызвали острую дискуссию в прессе и академических кругах Японии. Касательно территориальных проблем, новые учебники по географии и общественным наукам должны разъяснить ученикам, что острова Такэсима (кор. Токто) и Сэнкаку (кит. Дяоюйдао) – неотъемлемая часть Японии, а учебники истории должны показывать, как и почему данные острова стали частью Японии.

Подобная позиция Японии вызвала жёсткую критику со стороны соседей, в частности, со стороны Пекина и Сеула. Однако, несмотря на это, администрация С. Абэ, по-видимому, продолжит настаивать на правильности предложенной трактовки спорных моментов из прошлого Японии, полагает докладчик.

После окончания основной части конференции состоялась дискуссия по прозвучавшим выступлениям с вопросами и комментариями.

Следующая, 11-я конференция Ассоциации японоведов по современной Японии, которая будет проходить в условиях Перекрёстного года – Года России в Японии и Года Японии в России – намечена на декабрь 2018 г.

Поступила в редакцию 18.03.2018

Received 18.03.2018

Автор:

Кзаков Олег Игоревич, заведующий Отделом наукометрии и информационных технологий Института Дальнего Востока РАН. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9009-3225>. E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

Author:

Kazakov Oleg I., Head of Department of Scientometrics and Information Technology, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9009-3225>. E-mail: kazakov_oleg@mail.ru